

Ю. Ю. Сурхаско

ОБ ИСТОРИКО-ЭТНИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ КАРЕЛЬСКОЙ СВАДЬБЫ

Карельская свадьба конца XIX — начала XX в. основывалась в целом на самобытной традиционной обрядности. К наиболее характерным ее особенностям относились: ведущая роль колдуна при довольно своеобразном составе свадебных чинов вообще; оригинальные религиозно-магические представления и обряды; унаследованные от родовой общины традиции, проявившиеся в высоком авторитете коллективного мнения членов рода и сравнительной самостоятельности девушки при решении вопроса о браке, а также в некоторых пережитках матрилокальности. Очень своеобразна была и богатая обрядовая поэзия, отличавшаяся особой архаичностью (причитания, заклинания, свадебные песни рунного размера).

Основные обряды свадебного ритуала, как и основные компоненты этих обрядов, были у всего карельского населения одни и те же, тем не менее единого для всех карел канонического ритуала не существовало.

При сопоставлении соседних локальных вариантов свадебной обрядности существенные различия обычно не обнаруживаются, однако между более отдаленными местностями различия в свадебной обрядности оказываются уже довольно значительными. Больше всего различаются свадебные ритуалы северных (районы Калевальский и Лоухский) и южных (районы Олонецкий, Пряжинский, Кондопожский) карел, хотя их обрядовая основа была общей.

Группируя наиболее близкие между собой локальные варианты, можно выделить несколько основных типов карельской свадьбы конца XIX — начала XX в.

Варианты Калевальского и Лоухского районов можно взять за основу севернокарельского типа. Для него характерен особый архаизм многих элементов обрядности. Это прежде всего институт «патьяшки» — колдуна и руководителя свадьбы. Патьяшка, являясь главным представителем стороны жениха, обычно принимал участие уже в сватовстве. В его обязанности входило, наряду с общим руководством свадебным действием, также и предохранение вступающих в брак от козней со стороны злых духов и недоброжелателей. Поэтому патьяшкой мог быть человек, обладавший, по мнению карел, особыми колдовскими познаниями и соответствующими религиозно-магическими атрибутами. Он должен был знать не только магические приемы и обряды, но также и заклинания, представляющие собой нередко целые руны. Из архаических атрибутов патьяшки следует назвать в первую очередь ольховый магический жезл, когда-то, по-видимому, имевший связь с культом предков.

Устойчивое наследие архаичных форм заключения брака можно, вероятно, видеть в обычае выходить замуж способом «на кончике платка» — «пайкан кокасса». Этот способ заключался в том, что парень сватался непосредственно к девушке, публично протягивая ей свой носовой (или шейный) платок. Это давало девушке право выбирать жениха вопреки воле родителей и родных.

Наиболее характерной особенностью севернокарельской свадьбы является «пеянпанента», т. е. обычай переплести невесте волосы в две

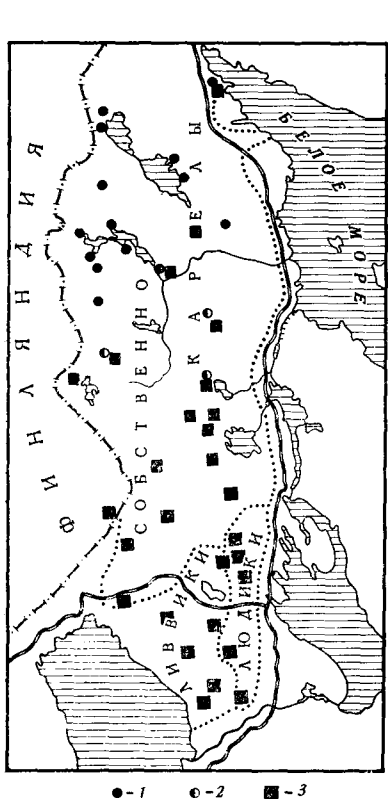

Рис. 1. Ареалы севернокарельского и южнокарельского обрядов «пеянпанента» (перемена прически и надевание головного убора замужней женщины): 1 — окручение невесты у нее дома (севернокарельский обряд); 2 — частичное исполнение того же обряда; 3 — окручение в доме жениха или в церкви

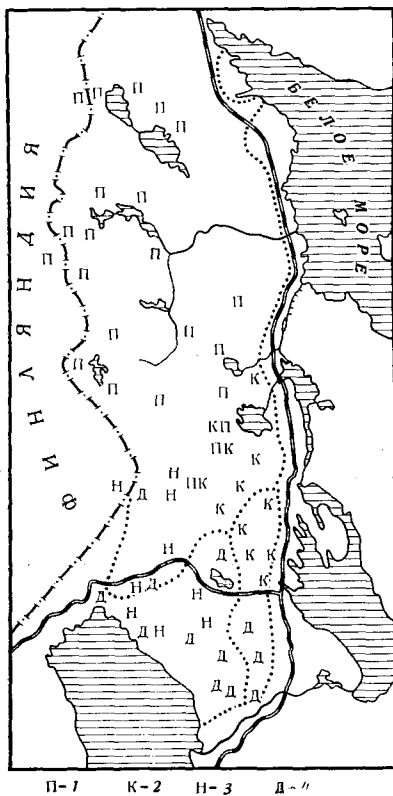

Рис. 2. Бытование института «патьяшки» и терминов «клетникка», «найтинмиес», «дружка»: 1 — патьяшка — руководитель свадьбы и колдун; 2 — клетникка — клетник; 3 — найтинмиес — колдун и сват; 4 — дружка в значении руководитель свадьбы (у людиков), а также общее название поезжан-мужчин (у ливвиков и у карел северного Приладожья)

косы и надевать на нее головной убор замужней женщины непременно во время выводного стола. У других этнографических групп карел в конце XIX — начале XX в. аналогичный обряд перемены прически и головного убора совершался лишь после венчания и уже не в доме невесты, а в церковной сторожке либо, чаще, в доме жениха, в чем, несомненно, сказывается влияние свадебных обычаев соседних народов и, главным образом, русских. Важной особенностью севернокарельского типа являлось также исполнение традиционных свадебных песен-рун (тексты песен были использованы Э. Леннростом в «Калевале»). Отметим и такую особенность, как демонстративный, показательный характер сватовства.

Другой основной тип свадьбы, южнокарельский, объединяет локальные варианты южных районов Карелии, несмотря на их значительное разнообразие. От севернокарельского он отличается прежде всего большим сходством с русской свадьбой бывшей Олонецкой губернии. Так, у южных карел состав свадебных чинов пополнился «дружками» (ливв. *drušk*, люд. *drušk*), «шаферами» (люд. *šafer*) и т. п. чинами, лишившими колдуна его ведущей роли¹.

Ярче всего русское влияние обнаруживается в южнокарельской свадебной поэзии. Даже в таком традиционном жанре, как причитания, имеются мотивы, заимствованные из севернорусских свадебных причитаний (например, рассказ невесты о сне); более того, у людиков вообще широко бытовали причитания на русском языке. Что касается свадебных песен, то у южных карел традиционные песни были по существу вытеснены русскими игровыми и свадебными песнями, что давало повод некоторым наблюдателям говорить вообще об отсутствии у карел свадебных песен². Тем не менее в указанный период у южных карел наряду с русскими песнями (слова которых, кстати сказать, были далеко не всегда понятны даже самим исполнителям) на свадьбах пелись лирические песни на карельском языке. Кроме того, у ливвиков продолжали исполняться, хотя и не полностью, некоторые традиционные песни — руны, но, как правило, в качестве заклинаний при «отпуске» свадьбы (например, «Песня о сватовстве кузнеца Илмойллинена»)³.

Влияние русской свадьбы сказывалось и в вытеснении карельских терминов русскими: помимо уже упомянутых «дружек» и т. п. широко употреблялись «невеста» (*nevesta*), «княгин» (люд. *kn'agin*), «женихха» (ливв. *ženihh*, люд. *ženihh*), «свахха» (люд. *svahh*, *svahha*), «поежанат» (*poježanät*), «брудгад» (люд. *brydgađ*) и др.; даже сама свадьба называлась не карельско-финским словом «*heät*», а русским «свадьба» (ливв. *svuad'bu*, люд. *svoad'b* и т. п.).

Как в севернорусской, так и в южнокарельской свадьбе важное место занимало церковное освящение брака, тогда как у северных карел церковному обряду придавалось гораздо меньшее значение (например, венчание могло совершаться спустя долгое время после свадьбы). Южным карелам был свойствен прочно установившийся патриархальный уклад семьи, выражавшийся в большем, чем у северных карел, авторитете отца, в более подчиненном положении женщины, что соответствующим образом отражалось и в свадебной обрядности. Особенностью южнокарельской свадьбы можно, кроме того, считать сравнительно высокий удельный вес обрядовых действий, посвященных экономической стороне брака: в отличие от северных карел у южных (как и у соседнего русского населения) было принято торговаться относительно приданого и даров со стороны невесты и приноса («деньги за голову» или «на вино») со стороны жениха, а также совершать осмотр хозяйства последнего.

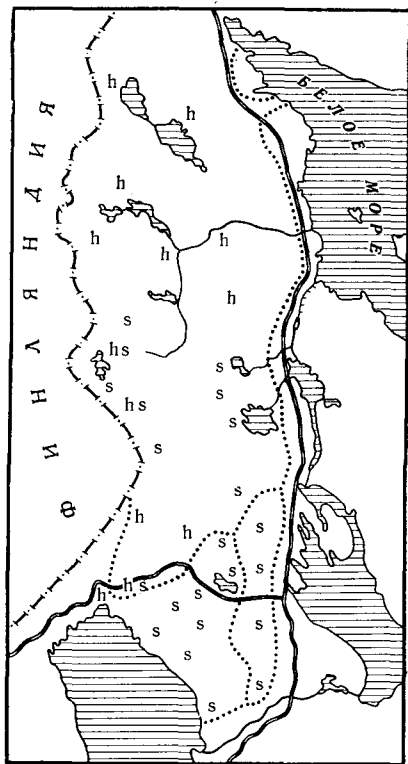
Определить географическую границу между зонами распространения севернокарельского и южнокарельского типов свадьбы довольно трудно. Тем более, что по мере приближения к нашему времени эта граница постепенно смещалась к северу и западу, что наглядно отражало ход эволюции карельской свадьбы. Кроме того, район бытования одного определяющего данный тип признака сплошь и рядом не совпадал с границами бытования остальных признаков этого же типа. Так, севернокарельский обряд «пеянпанента» («окручение невесты») был в полном

¹ Сокращенные обозначения «ливв.» и «люд.» даны здесь вместо названий двух этнолингвистических групп ливвиков и людиков.

² Н. Ф. Лесков, Карельская свадьба, «Живая старина», 1894, IV, вып. 3—4, стр. 507.

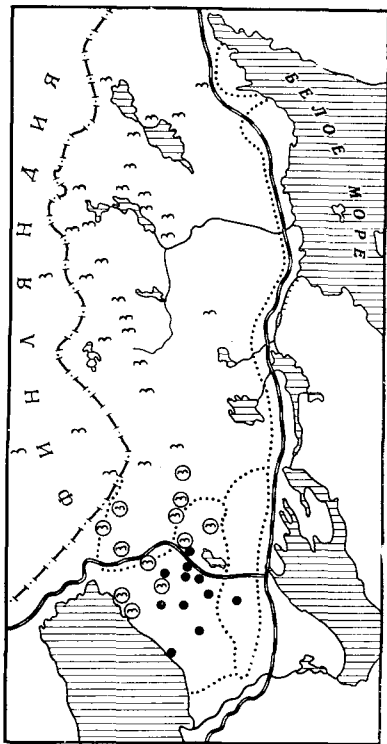
³ Н. Лесков, Отчет о поездке к Олонецким карелам летом 1893 г., «Живая старина», 1894, вып. 1, стр. 22, 23. Текст песни см.: «Живая старина», 1893, вып. 4, отд. II, стр. 547—553. Ср.: «Карельские эпические песни», М.—Л., стр. 19, 329—333, 351—356.

виде зафиксирован в конце XIX — начале XX в. лишь у карел нынешних Калевальского и Лоухского районов (см., напр., рис. 1). Другие признаки севернотюхтинского типа были распространены гораздо шире. В частности, патьвашка с его ольховым жезлом был главным действующим лицом свадьбы даже у сегозерских и ребольских карел (см. рис. 2), а традиционные свадебные песни-руны исполнялись (по крайней мере, некоторые) еще южнее — вплоть до северного Приладожья (см. рис. 4).

h- 1 s- 2

Рис. 3. Бытование карельско-финского («хият») и заимствованного русского названий свадьбы: 1 — хият, хейт и т. п.; 2 — свадзьбо, свуадибо и т. п.

~-1 ⊕-2 ●-3

Рис. 4. Бытование традиционных свадебных песен «Летел орел с северо-востока» и «Сватовство кузнеца Илмоиллинена»: 1 — «Летел орел» исполнялась в качестве свадебной песни; 2 — фрагмент песни известен в качестве заклинания; 3 — «Сватовство кузнеца Илмоиллинена»

С другой стороны, влияние севернорусской свадьбы усиливалось не только среди южных, но и среди северных карел. Еще в 1880 г. Ювелиус писал, что традиционные свадебные обряды «начинают уже во многих местах исчезать, уступая место более новым русским обычаям», и что «вместо калевальских свадебных песен поются русские песни»⁴. В этом отношении интересен юшкозерский вариант как наиболее близкий (в районе Калевалы) к севернорусской свадьбе, что отмечал в 1920 г. Г. Х. Богданов⁵. Характерно, что здесь же, в Юшкозере, нами было зафиксировано

⁴ J. W. Juvellius, Muistoia Pohjoisen Venäjän Karjalan muinaisuudesta (Ylipainos Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikauskirjasta X), Helsingissä 1889, s. 23.

⁵ Г. Х. Богданов, Свадьба Ухтинской Карелии, в кн.: «Западнофинский сборник», «Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран», 16, Л., 1930, стр. 55.

существование исключительного для калевальских карел обычая: в тех случаях, когда венчание проходило в день свадьбы, обряд «пеянпанента» мог совершаться не в доме невесты, а после венчания, как в русской и южнокарельской свадьбе.

Локальные варианты средней, а отчасти и северной Карелии в конце XIX — начале XX в. являлись носителями многих признаков обоих основных типов. Это обстоятельство позволяет нам выделить указанные варианты в особый, как бы смешанный среднекарельский тип, основу которого составляют свадебные ритуалы сегозерских и ребольских карел.

Среднекарельский тип можно с полным основанием считать переходным от архаического севернокарельского типа к южнокарельскому, так как, продолжая сохранять ряд главных признаков первого (патьяшка, песни-руны и др.), он в то же время по другим признакам обнаруживает тенденцию к слиянию со вторым.

Нет необходимости говорить о том, насколько трудно определить границы зоны среднекарельского типа, как бы разделявшей зоны пространства севернокарельского и южнокарельского типов. Небезынтересно отметить, что эта полоса разделяла также соответствующие типологические зоны, выделенные Р. Ф. Таровой для материальной культуры карел и приблизительно совпадающие с основными этнолингвистическими областями.

Наличие разнообразных локальных вариантов свадебного ритуала известно у многих народов. Некоторые исследователи видели в этом явлении результаты фрагментации первоначального праритуала. Например, М. Е. Евсевьев считал, что особенности в вариантах «взаимно дополняют и поясняют друг друга и дают, таким образом, возможность к восстановлению полной картины былой мордовской свадьбы»⁶.

Карельский же материал показывает, что эволюция свадебной обрядности, в частности, у карел, явилась отражением исторических условий существования народа. В частности, как нам представляется, существование двух таких довольно сильно различающихся между собой типов карельской свадьбы, как севернокарельский и южнокарельский, объясняется, главным образом, различиями в конкретных исторических условиях формирования и развития соответствующих этнографических групп карел КАССР.

Как известно, в различных районах Карелии процессы этнического, культурного и социального развития карельской народности как по своему содержанию, так и по степени интенсивности были в прошлом неодинаковы. Этим и было обусловлено возникновение нескольких этнографических групп, различающихся и поныне не только своими культурными особенностями, но и по языку. Население южных районов Карелии, начиная с XVIII столетия, оказалось сильнее втянутым в сферу феодально-капиталистической деятельности Русского государства, чем население северных районов. Это способствовало более ускоренному развитию у южных карел товарно-денежных отношений, разрушению семейно-родового и общинного укладов, укреплению патриархальных принципов в семье, тогда как северные карелы вплоть до нашего века продолжали вследствие чрезвычайно низкого уровня производительных сил жить по существу натуральным хозяйством и сохранять в своем производственном и семейном быту, как отмечал О. В. Куусинен, «сильные пережитки родовой общины»⁷.

Кроме того, большая часть северных карел длительное время имела лишь сравнительно слабые контакты с великорусами, саамами и финнами. Южнокарельское население развивалось в условиях самых тесных

⁶ М. Е. Евсевьев, Избр. труды, т. V, Саранск, 1966, стр. 9.

⁷ О. В. Куусинен, Калевала — эпос карело-финского народа, в кн.: «Труды юбилейной научной сессии, посвященной 100-летию полного издания „Калевалы“», Петрозаводск, 1950, стр. 11.

взаимоотношений с соседними народами — вепсами, великорусами и частично с финнами, в результате чего образовались даже особые этнолингвистические группы карел — ливвики и людики; часть карел совершенно обрусела (например, в Прионежье), а карельское население восточной Финляндии, оторванное от основной массы своего народа, постепенно ассимилировалось финнами.

Столь существенные различия в этнической и культурной истории отдельных этнографических групп карел, естественно, не могли не наложить определенный отпечаток на свадебную обрядность. Таким образом, типология последней носит историко-этнический характер.

В разработке историко-этнической типологии свадебного комплекса большую роль играет картографирование имеющегося материала. Однако картографирование типов карельской свадьбы усложнено тем, что плановое собирание сведений о свадебной обрядности у карел, дающее сопоставимый материал, было начато лишь сравнительно недавно. Что же касается эмпирического материала, то использовать его не всегда возможно из-за разнородности содержащихся в нем сведений.

Несмотря на кажущееся обилие материала, он очень неравномерно покрывает территорию, населенную карелами. Особенно слабо представлены в нем средняя полоса и периферийные районы Карелии. Предпринятая в последнее время финскими исследователями попытка картографировать отдельные элементы карельской свадьбы также показала явную нехватку фактических данных. Например, многие карты, выполненные М. Сармела⁸, дают суммарное, обобщенное до общекарельских масштабов представление об особенностях карельской свадьбы, без фиксации локальных явлений. Продемонстрированные в настоящей статье карты являются первым опытом картографирования карельской свадебной обрядности по элементам, которые в своей совокупности дают основание для типологической характеристики локальных разновидностей карельского свадебного обряда. Для настоящей публикации нами намеренно выбраны разнородные по своему характеру элементы — «пеяппанента», наличие «патьяшки» или других свадебных чинов с близкими функциями, бытование терминов «хият», «своадьбо» и традиционных свадебных песен. Дальнейшая работа по картографированию типов карельской свадьбы конца XIX — начала XX в. требует дополнительного сбора сведений путем систематического обследования всей территории Карелии.

Особое внимание при этом следует уделить локализации характерных для каждого типа свадьбы обрядовых элементов, потому что границы бытования последних часто оказываются значительно шире зоны распространения самого типа, как это видно, в частности, по демонстрируемым здесь картам. Такое явление можно, видимо, рассматривать в одних случаях как свидетельство более широкого бытования соответствующего типа в прошлом (например, распространение института патьяшки за пределами севернокарельского типа), в других — как свидетельство интенсивного взаимодействия с соседними типами. В этом отношении особый интерес представляют факты существования сходных с карельскими (или даже тождественных с ними) обрядовых элементов в свадебных ритуалах соседних народов, поэтому их выявление, типологизация и картографирование сильно облегчили бы задачу изучения карельской свадьбы в сравнительно-историческом плане.

⁸ M. Sarmela, Reciprocity systems of the rural society in the Finnish — Karelian culture area. With special reference to social intercourse of the youth, «Folklore Fellows Communications», vol. 88, № 207, Helsinki, 1969.